

ОЛЕГ ДИВОВ

ВРЕДНАЯ ПРОФЕССИЯ

A stylized, high-contrast portrait of a man's face, rendered in shades of red and orange. His eyes are glowing with a bright yellow light. The background is a dark blue space with white stars and intersecting red and yellow lines.

ЭПОХА
ВЕЛИКИХ СОБЛАЗНОВ

Сборник 'Вредная профессия'

Олег ДИВОВ

Эпоха великих соблазнов

«ЭКСМО»

2003

Дивов О. И.

Эпоха великих соблазнов / О. И. Дивов — «Эксмо»,
2003 — (Сборник 'Вредная профессия')

ISBN 5-699-09795-3

Недалекое будущее. Приближается общемировой энергетический кризис...
МКС «Свобода» отправляется в космос для встречи с таинственным
представителем инопланетного разума – Железной девой. Что она хочет
сказать землянам и зачем?

ISBN 5-699-09795-3

© Дивов О. И., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Олег Дивов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Олег Дивов

ЭПОХА ВЕЛИКИХ СОБЛАЗНОВ

Рожнов прижимал Аллена к стене, а Кучкин с наслаждением хлестал американца по физиономии. В отдалении болтался Шульте и что-то нудил про нетоварищеское поведение и утрату командного духа – причем к кому именно это относится, не уточнял. Русские поняли начальника так, как им показалось удобнее: поменялись местами, и теперь уже Рожнов наваял астронавту по первое число...

Увы, первый орбитальный мордобой – событие, безусловно, историческое, сравнимое по значимости, если разобраться, с лунным шагом Армстронга – случился лишь в мечтах летчика-космонавта РКА подполковника Кучкина. Верных полсуток он воображал, что именно и каким образом сделает с насовцем, когда удастся выколупать того из спускаемого. Кучкин не был по натуре злым или жестоким, просто мысли о справедливом возмездии помогали держаться в тонусе.

Примерно о том же все это время размышлял инженер Рожнов. Правда, он еще прикидывал, как удержать Кучкина, чтобы тот, паче чаяния, Аллена не забил.

Начальник экспедиции посещения «лунной платформы» Шульте не поддавался эмоциям, бессмысленным перед лицом смерти. Он думал только о борьбе за станцию. Когда стало ясно, что Аллен не отделит спускаемый аппарат, Шульте догадался, какая беда приключилась с несчастным астронавтом, пожалел его и забыл. Тут как раз и Кучкин утихомирился – он сначала метался по отсекам, искал биг рашен хаммер, но потом Рожнов что-то рассказал ему, оба вдруг принялись хихикать, просветлели лицами и доложили: командир, распоряжайтесь нами.

Было холодно, сыро и душно. Отвратительное сочетание.

Королевский ЦУП помогал советами. Судя по бодрому и деловому тону, все ответственные лица там просто с ума сходили.

В Хьюстоне, сгорая от стыда, вычитывали по буковке контракт астронавта Аллена. Их главный уже заявил русскому и европейскому коллегам: «Что я могу сказать? Мне нечего сказать. Давайте сначала попробуем спасти нашу станцию. А там посмотрим».

Коллеги решили, что это разумно. Аллен давно мог отделиться и идти на посадку. Но не стал. Он просто сидел в ТМ4, глух и нем, – спрятался как мышь в норке, отгородившись крышкой люка не только от надвигающейся на станцию гибели, но и от всего мира. Когда так поступает бывший военный летчик, значит, плохо с человеком. Ну и пусть сидит пока.

Русских только бесило, что Аллен заперся не где-нибудь, а именно в «Союзе». Ладно бы в «Осу» залез... Бешенство это было по сути абсолютно иррационально, и люди из Королева постарались его в себе подавить.

А вот Кучкин именно о том орал, когда искал по станции биг рашен хаммер, – мол, падла насовская, ты чей спускач угнал?!

Шульте мог приказать русскому прекратить истерику – и тот, без сомнения, немедленно прекратил бы. Но командир сам на какое-то время потерял ощущение реальности – висел посреди головного модуля, тупо глядя в развернутую инструкцию, не в силах разобрать ни буквы, и пытался вспомнить, где он в последний раз видел кувалду. Очень уж кучкинское озверение было заразительным.

На самом деле продолжалось это состояние вселенской паники от силы несколько минут. Экипаж собрался с духом очень быстро, потому что не имел права тратить время на страх – и по инструкции, и по совести, и чтобы выжить. Нужно было намотать на себя все, что найдется теплого, и хвататься за инструмент.

До визита Железной Девы оставалось восемнадцать с половиной часов.

* * *

Когда система жизнеобеспечения начала рушиться, в головном отсеке работал Чарли Аллен. Не исключено, что более опытный космонавт приближение опасности почувствовал бы спинным мозгом, наострил уши и обнаружил: из привычного звукового фона станции выпало тихое, на пороге слышимости, гудение вентиляторов. Но Аллен был на орбите третьей сутки – в жизни вообще, – чувствовал себя неважно, двигался опасливо, слышал плохо и соображал туго. Остальные члены экспедиции уже адаптировались настолько, что успешно делали вид, будто их не подташнивает. Аллен знал: через недельку ему положено освоиться с постоянным ощущением желудка под горлом – и старался не переживать.

Невесомость – дело привычки. За всю историю орбитальных полетов не тошнило двоих. Оба были русские, но не какие-то там особенные, а просто отставной боевой водолаз и очкарик-научник, что окончательно сбilo с толку медицину.

Аллен как раз думал об этой забавной прихоти судьбы, когда ему стало неудобно дышать. Некоторое время он прикидывал, какой еще внутренний орган мог засбоить, не придется ли снимать кардиограмму, жаловаться Земле, и вообще, не слишком ли много напастей на одного астронавта. Потом заставил себя полегоньку раздышаться и еще пару минут относительно спокойно вставлял штекеры в разъемы. Потом забеспокоился, обернулся и увидел мигающую лампочку.

Воздух в головном сразу показался влажным, мокрым, тяжелым – каким он, собственно, и был.

– Ох, дерьмо! – выпалил Аллен и полез за аварийной инструкцией, благо та была закреплена в пределах досягаемости. «Если красный предупредительный сигнал мигает, сначала прислушайтесь. Слышно ли гудение вентиляторов? Да, нет. Если нет, плотно закройте ладонью решетку воздуховода. Ощущается ли циркуляция воздуха? Да, нет. Если нет...»

– Ох, дерьмо! – повторил Аллен совсем другим голосом.

– Да! – согласился кто-то за спиной.

Аллен резко, по-земному, обернулся и начал взлетать, но Шульте его поймал.

– Извините, – сказал начальник экспедиции, принудительно втыкая астронавта на рабочее место. – Не хотел вас пугать.

– Я ничего не делал! – сообщил Аллен, имея в виду моргающую лампочку и подозрительное состояние атмосферы.

– Вы и не могли, – успокоил Шульте. – Дайте мне инструкцию. Спасибо. Та-ак... Угу. Кажется, это серьезно. А который час? Ага. Плановая связь через... Двадцать три минуты. Ничего, пока сами попробуем.

– Почему не дать сигнал «паника»? – осторожно спросил Аллен.

– Потому что я еще не готов паниковать, – отрезал Шульте. – И не понимаю, о чем спрашивать у Земли. Нужно хотя бы разобраться, что именно у нас сломалось.

– Да все сломалось. Даже аварийный зуммер! Наверняка это компьютер.

– Зуммер молчит, но лампочка мигает... Безумие какое-то. Эй, господа!

– Я здесь, – сказал Рожнов, просовываясь из переходного модуля в головной. – Кто испортил воздух? Ха-ха. Черный юмор.

– Не смешно. – Шульте уже перебрался на командный пост и, припав к монитору, щелкал клавишами. – Как там в инженерном?

– Немного лучше, чем здесь. Менее влажно. Командир, я потрогал руками то, до чего дотянулся. Впечатление такое, будто упали три контура одновременно. Смотрите компьютер. Это он их уронил.

– Компьютер доволен. Говорит, порядок.

– Значит, точно он. Давайте быстро поменяем блоки и перезагрузимся. Ну-ка, пустите меня.

– Быстро? – переспросил Шульте с нажимом. – Поглядите, что на приборах.

– М-да... Согласен, опоздали. Чарли, что же вы?..

– Он не виноват, звуковой сигнал не сработал, – вступился за американца командир.

– У-упс... А лампочка мигает? Фантастика. Спонтанное бешенство электропроводки. Не бывает так, понимаете? Все очень плохо, командир. Знаете, я не удивлюсь, если платформа сейчас развалится.

– Она не может развалиться! – сказал Шульте строго. – Модули скреплены механически.

– Это была гипербола. Черный юмор. Ну, какие планы? Допустим, кислород мы подадим вручную. Отсечем головной от других модулей, чтобы не расходовать попусту. Регенерация... Она точно не сломана, там нечему – когда запустим подачу, сама заработает. А вот что с климат-контролем? Без него и воздух не понадобится. Без него платформа гибнет. Черт! Тут хуже, чем на субмарине!

– Лучше, – возразил Шульте. – У нас есть ТМ4. Но платформу жалко. Будем чинить.

– Будем, конечно! Эй, где мой тестер? Нужно сначала померить несколько цепей. А то как оно взорвется... Спокойно, командир, черный юмор. Но вы, серьезно, ничего не трогайте пока. С такими сумасшедшими неисправностями не шутят... Хорошо, только блоки придется менять в любом случае! Представляете, если мы починимся – чего я не могу гарантировать, – а компьютер снова все ообрушит? Давайте так: я делаю машину, остальные берут на себя по контуру. Нет, виноват, пусть лучше Чарли займется блоками, а меня поставьте на воздух. Чарли, вы знаете, где запасные части для компьютера?

Появился Кучкин, мокрый и трясущийся.

– Дерьмо, как это моментально! – выпалил он, и все его поняли.

Английский у Кучкина был сугубо прикладной, зато доходчивый. И вправду, атмосфера на станции испортилась поразительно резко.

– Все не работает! Это конец! – сообщил Кучкин, оглядывая коллег и веселея на глазах. – Командир, жду приказаний!

– Несколько часов мы продержимся, – сказал Шульте. – Думаю, не меньше двух. Через двадцать минут будет Земля, они смогут консультировать нас. Давайте займемся диагностикой. Поделим роли. Господин Рожнов смотрит, как у нас с подачей, господин Кучкин разбирается с обогревом, на мне контроль влажности. Каждый идет по цепи и, что видит, тут же комментирует голосом. Есть поломка, нет поломки – говорите вслух. Господин Аллен... Э-э... Не понял. Чарльз! Где вы?

– Здесь он. – Кучкин мотнул головой. – Сзади меня. Думаю, пошел за блоками в инженерный. Они там.

– Я еще не поставил ему задачу!

– Чарли умный.

– Мне не понравилось его лицо. Оно не было умным. Оно было... Незнакомым.

– Остановите это, – попросил Кучкин. – Каждый нервничает. Очень странное положение. Финально нештатное. Так начнем работать?

Они расползлись по стенам и потолку. Минуту-другую в головном слышно было только пыхтение и возгласы: «Я не понимаю!», «Ох, дерьмо!», «Но тут все в норме!», «Ох, дерьмо!», «У нас точно напряжение не падало?», «Что за чертовщина?!», «Я совсем ничего не понимаю!», «Кто-нибудь что-нибудь понимает?».

Потом Шульте спросил:

– Какого черта он делает в спускаемом?

И тут мягко хлопнула крышка люка.

На миг воцарилась тишина.

- Убийца... – негромко констатировал Рожнов.
- Наша ошибка, – сказал Шульте. – Мы его запугали. Он же новичок.
- Может быть, это случайность, – туманно предположил Кучкин.
- Еще через секунду все трое хором заорали:
- Ча-ар-ли!!!

И бросились, нещадно толкая друг друга, в переходной.

Им понадобилось совсем немного времени, чтобы уяснить: астронавт НАСА Чарльз Аллен заперся в четырехместном спускаемом аппарате российского производства, на вызовы по интеркому не отвечает, чем занимается – непонятно, и в общем, Бог знает, чего теперь от упомянутого астронавта ждать.

Шульте натурально позеленел. Рожнов схватился за голову. А Кучкин деловито спросил:

- Куда подевался биг рашен хаммер?
- Заче-ем? – простонал Рожнов. – Молотить по крышке?!
- Да-а!!! – заорал Кучкин. – Именно! Падла! Гнида! Расшибу! Изуродую! Где?!

И улетел в инженерный.

– Похоже, наш коллега слегка потерял голову, – через силу выдавил из себя Шульте. – Рожнов. Помогите. Чарли может отстыковаться быстрее, чем мы думаем. Нужно закрыть внутренний люк.

– Ни черта он не отстыкуется, – сказал Рожнов очень уверенно. – Но люк давайте закроем, да.

– Я тоже знаю, что он не отстыкуется, – непоследовательно согласился Шульте.

– Почему вы знаете это? – заметно удивился Рожнов. На родном языке он наверняка ляпнул бы: «А вы-то откуда знаете?» – выдавая себя с головой любому мало-мальски сообразительному русскому.

– Понимаю людей. Но... Закрываем?

– Безусловно.

В переходной влетел Кучкин, еще злее, чем был.

– Нарочно спрятал?! – накинулся он на Рожнова. – А что это вы тут делаете?! Зачем?! Пустите! Дай! Убью гада! Сучара насовская, ковбой сраный, ты чей спускач угнал, техасская вонючка?! Наш родной тээм-четвертый! Да за такое полагается яйца на кардан намотать!..

– «Союз» не «Жигули», кардана нет, – сказал Рожнов спокойно. – И вообще не мешай. Командир! Я взял. Толкаем.

– Свины! – рявкнул Кучкин и опять улетел.

– Да, – вздохнул Шульте, – немного потерял голову...

– Я думал, вы это про Аллена.

– Нет, Чарли потерял голову совсем. Так, закрыли. Теперь подтягиваем.

– Есть. Уфф... Нечем дышать. И давит на уши. Как тяжело.

– Дальше будет еще тяжелее. Как вы считаете, господин Кучкин скоро успокоится? Работать должны все. Или мы погибнем.

– Увидите, через пару минут он будет о'кей. Поразительное невезение! Трое суток до «Осы»! И поразительная неисправность. Вам не кажется, что это саботаж?

– Я не знаю, – сказал Шульте. – Честно. Посмотрим. Давайте пока выживать.

Снова появился Кучкин.

– Нету... – выдохнул он с таким похоронным выражением, будто у него пропал не биг рашен хаммер, а смысл жизни. – И что делать?

– Пустите меня, пожалуйста, – грустно попросил Шульте и просочился в головной.

– Это ж надо так влипнуть! – снова набрал обороты Кучкин. – Это ж надо так влететь! Это же какой-то просто конец! Это же не поверит никто, если рассказать!.. Между прочим, а чего наш дорогой американский гаденыш там вошкается? Почему не отстыковался до сих пор?

– А он не может, – сказал Рожнов, через плечо коллеги наблюдая, как Шульте потерянно висит посреди головного, развернув перед собой инструкцию.

– Чего – не может?

– Да ничего. Тебе будет легче, если я расскажу?

Кучкин захолопал глазами. В других обстоятельствах это выглядело бы комично.

– Мы, вообще-то, как бы помираем, – сказал он. – Времени кот наплакал. Но ты давай, говори. Тем более, я на этой лайбе за пилота. И если ты ее испортил...

– А драться не будешь?

– Совсем дурак?! Ну, докладывай.

– Я сегодня утром это сделал и просто не успел тебе сказать. Тумблер ручного отстрела нужно сначала повернуть на девяносто градусов, иначе он не замыкает.

– Ну-ка, повтори!

Рожнов повторил. Кучкин поскреб в затылке и поглядел на инженера с плохо скрываемым опасением.

– Ты не думай, я там ничего такого! – быстро выпалил Рожнов. – Просто махнул штатный тумблер на секретку. Мне ее ребята дали. Сказали, на всякий случай. А почему нет? Согласись. Извини, конечно, за самоуправство, но...

– Вот так работаешь с человеком бок о бок долгие-предолгие годы... – протянул Кучкин.

– Нет, ты хочешь, чтобы Чарли взял и удрал?

– Нет, я хочу, чтобы он вместе с нами подох! Да плевать мне на Чарли! Меня некто Рожнов волнует! С его загадочными «ребятами»!

– Давай обойдемся без имен. Но это не ФСБ, а просто хорошие ребята. Которые не очень доверяют американцам. Правильно делают, как мы теперь видим. И вообще, я же у тебя не спрашиваю, кто запихнул кувалду в тээм-четвертый ЗИП... Вы бы еще домкрат положили, хохмачи. Кстати, юмор донельзя типичный, военной авиацией отдает за версту.

– Чем тебе не нравится биг рашен хаммер? – почти обиделся Кучкин.

– И каким местом я бы вправлял ту паскудную трубу в инженерном? Головой об нее биться прикажешь?

– Ты про трубу что, заранее все знал?.. – теперь настала очередь Рожнова оторопеть.

Кучкин рассмеялся. Заржал в полный голос. Рожнов сначала несмело улыбнулся, потом тоже хохотнул.

– Эх, дурачина ты подозрительная, – сказал Кучкин ласково. – Но я тебя прощаю. Даже разрешу поддержать Чарли, когда бить его буду. Чтобы отдачей не сносило. Ну? Полезли бороться за живучесть, пока еще дышится?

– Слушай, ты, кроме шуток, извини меня! – попросил Рожнов.

Шульте в головном что-то с громким хрустом отломал. Кучкин ободряюще хлопнул Рожнова по плечу. Душевно, но легонько.

Чтобы не снесло отдачей.

* * *

Через два часа они едва дышали. Чувствительность перчаток русских скафандров позволяла вдеть нитку в иголку. Но сама перчатка не пролезала, хоть ты тресни, туда, где пришлось орудовать руками.

Поэтому еще часом позже, когда они почти умерли, в скафандр запихнули измученного Рожнова, поминутно терявшего сознание, и продолжили работать вдвоем. Инженер немного отошел и взялся помогать, но толку от него почти не было.

Еще через полчаса, совершенно уже погибая, они все-таки запустили один контур. На «платформе» в тот момент было плюс три градуса при нечеловеческой влажности, но зато

пошел воздух. Оставалось всего ничего – продолжить гонку, починить обогрев и кондишен, пока модули не обледенели изнутри. Рожнова попросили из скафандра обратно и, двигаясь, как сомнамбулы, почти не чувствуя прилива сил, полезли ломать климат-контроль.

Потом стало еще холоднее и влажнее – хотя уж почти некуда, – но как-то веселее, что ли. Живее. Шульте приказал по очереди поесть горячего – это было умно и вовремя. Рожнов, заправившись супчиком, выдвинул теорию, объясняющую, почему упали сразу все три контура. Его догадка оказалась неверна, зато помогла чинить отопление.

Влажность уже регулировали в психологической обстановке, более-менее приближенной к норме. То есть стало очень страшно, у всех тряслись руки, Шульте совершенно окаменел лицом, Кучкин без конца шепотом матерился, Рожнов по поводу и без повода нервно хихикал.

Значит, обошлось.

В начале двенадцатого часа командир доложил Земле, что станция – как новая, местами даже лучше, только почти не осталось запчастей, а еще в ходе ремонта испортили тестер, согнули две отвертки, сломали гаечный ключ и потеряли кувалду... Ну, эту, сами знаете, не совсем кувалду, а на короткой ручке – в общем, биг рашен хаммер из ТМ4. Обидно, полезная вещь, и, главное, совершенно непонятно, куда мы ее могли засунуть...

Внизу, услышав про кувалду, занервничали, но виду не подали. Только из ФСБ товарищ записал себе в блокнотик: «Молот на короткой ручке. Кто использует в МИКе и на стартовой? Проверить наличие. Подозреваемых – в разработку. Комплектность инструмента – на контроль. Составить рапорт о необходимости. Запросить помощь кадрами. Провести совещание. Назначить ответственных. Доклад еженедельно». Подумал и «еженедельно» исправил на «ежедневно сдача всего инструмента под роспись». Почувствовал, что это уже смахивает на идиотизм, и зачеркнул.

Видел бы главный, чего он там кропает, заставил бы, невзирая на чины и подчинение, блокнот съесть. Давясь и тужась, сожрать. А дальше пускай органы сами разбираются, кого умнее назначить верблюдом.

Но главный был занят, он решал сложную задачу – думал, как прошупать Шульте насчет Аллена. То ли из-за помех, то ли наоборот, вопреки им, три оставшихся в наличии члена экспедиции визуально так и просились в дешевый фильм ужасов... Вроде знаешь всех как облупленных. Хорошие люди, отличные работники. Вот только Чарльз Аллен тоже был редкий симпатяга и надежный парень. Всего полсуток назад. Что теперь с ним сделают эти зловещие мертвецы... Если, конечно, удастся вытащить американца из спускаемого. Но ведь не прописался же он там!

– Самое поразительное, что неисправность не цепная, – говорил Шульте. – То есть мы думаем так. Контроль влажности точно сломался от перегрузки, а обогрев и подача воздуха обрушились спонтанно и почти одновременно. Конечно, в основе электронный сбой – иного быть не может, – но мы его не установили. Вероятно, из-за спешки. Я прошу разрешения сейчас поспать, а потом мы с отдохнувшими головами начнем тестировать снятые блоки и, наверное, разберемся, что это было. Тут и Аллен придет, он нам поможет. Так правильно?..

Земля с облегчением сказала – да, конечно, правильно. Умученная троица расплзлась по спальникам. Дежурить не стали – Рожнов поклялся, что сигнализация теперь будет орать как резаная, или пусть зарежут его.

– И все-таки, где кувалда? – спросил Шульте, зевая.

– Вы будете смеяться, командир, – сказал Рожнов. – Вчера она летала за мной весь день и пыталась стукнуть. Поэтому я закрепил ее в спускаемом.

«Пусть Чарли ею там убьется», – буркнул Кучкин себе под нос.

– Ничего смешного, – возразил Шульте. – Это очень хорошо, и я доволен. Все на месте, мы ничего не потеряли. Значит, на платформе снова порядок. Благодарю. Приятных сновидений.

Начальник экспедиции отключился мгновенно. Русские, напротив, долго ворочались, просили друг у друга транквилизатор, вычисляли, кому ближе до аптечки, спорили, как делить упаковку – по-братски или поровну, – и за этим делом безо всяких таблеток впали-таки в дрему.

Через шесть часов все трое одновременно проснулись и увидели своего американского коллегу.

Потом явилась Железная Дева.

* * *

Рожнов на орбите ни разу не чувствовал себя по-настоящему выпавшимся. И снов не видел. А тут ему впервые нечто пригрезилось, только он не успел толком разглядеть, что именно. И открыл глаза ну очень злой на Аллена. Чарли вроде бы не шумел, просто его заждались и сразу почувствовали.

Астронавт выглядел чрезвычайно виновато, что, впрочем, не мешало ему интенсивно жевать. В одной руке он держал тубу с паштетом, в другой – поилку с соком.

– Вот гляжу и поражаюсь – ведь это летчик-истребитель... – лениво протянул Кучкин. – Подумать страшно. Летает и истребляет, летает и истребляет... Фу! Доброе утро, коллега. Мне такие чудеса снились, просто восторг. Просыпаюсь – и вот.

– Доброе утро, – кивнул Рожнов. – Дома хуже бывает: проснулся, в зеркало глянул, а там типичный мудака в типичных обстоятельствах. Тут, на платформе, вставать интереснее – и обстоятельства нештатные, и мудака из НАСА. Ну, каковы наши планы? Я держу, ты колотишь? Только чур не до крови, лови ее потом по отсекам...

– Здравствуйте, – сказал Аллен невнятно. – Я приношу вам свои извинения.

– Нет, ты только представь, как он истребляет! – обратился Кучкин к Рожнову, демонстративно не обращая внимания на астронавта. – Что ни подсунь, истребит! Знаешь, давай и вправду набьем ему морду! За все сразу! За Фолкленды, за Гренаду, за Балканы, за соколов Хусейна!

– Фолкленды-то при чем? А Хусейн вообще козел. Ну его.

– Тогда за Вьетнам! – предложил Кучкин.

– А вот за Вьетнам я согласен. И за то, что со вторым фронтом тянули, и за интервенцию в восемнадцатом году. О-о, ты еще забыл блокаду Кубы. А кто Че Геваре руки оттяпал?!

– И нашу Аляску прикарманил!

– Блин! – заорал вдруг Рожнов. – Они же, гады, Леннона убили!

Аллен сносно понимал по-русски и издевательство терпел стоически – жуя, – но, когда дошло до Леннона, бедняга просто окаменел. Сразу бросилось в глаза, до чего астронавт побледнел и осунулся – страшнее, чем остальные трое.

– Доброе утро, господа, – очень вовремя сказал Шульте.

– Коллеги! – взмолился Аллен. – Я не знаю, что со мной случилось! Все это время я был в депрессии. В настоящей глубокой депрессии. Не хотел двигаться. Не хотел есть и пить. Не хотел жить. Понимаете? Как только закрылся люк, я словно умер. Это было ужасно! Мне стало легче около часа назад. Тогда я немедленно вернулся к вам. Простите.

– «Сорри», «сорри», – передразнил Кучкин.

– Вы недостаточно опытные, господин Аллен, мы должны были учитывать это, – произнес Шульте холодно. – Мы напугали вас и оставили без поддержки в трудную минуту. Мы виноваты. Простите вы нас.

Аллен посмотрел на начальника экспедиции так, будто тот ни за что ни про что опрокинул ему на голову ведро помоев.

– Вот таким он мне офигенно нравится, – заметил Кучкин. – Красавец. Слышите, Чарли? Мне нравятся слезы в ваших глазах. Расскажите нам про депрессию. Я серьезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.